

Ю.А.Нисневич

РОССИЙСКАЯ «ПАРТИЯ ВЛАСТИ» VS ДОМИНАНТНАЯ ПАРТИЯ

Юлий Анатольевич Нисневич — доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: jnisnevich@hse.ru.

Аннотация. В статье представлен фактологический анализ зарождения и становления в России «партии власти». Продемонстрировано, что на всех этапах российская «партия власти» конструировалась и управлялась Администрацией Президента РФ.

Проведенное автором исследование показывает, что ни в одной из своих ипостасей российская «партия власти» не отвечает критериям, позволяющим квалифицировать политическую партию как доминантную. Это в полной мере касается и «Единой России», которая не оказывает значимого влияния на назначения на политические и административные должности и никак не влияет на решения, определяющие политику государства. Доминирование «Единой России» на электоральном поле обеспечивается прежде всего электоральной коррупцией, а также тем, что ее «избирательной машиной» служит система органов публичной власти всех уровней, от федерального до местного. В свою очередь, доминирование этой партии в Государственной Думе и выстроенная ею в нижней палате российского парламента жесткая и строго иерархичная административная структура позволяет Администрации Президента контролировать законодательный процесс и парламентскую деятельность в целом.

По заключению автора, «партия власти» представляет собой управляемую извне политическую организацию партийного типа, которая обеспечивает защиту интересов и реализацию целей правящей российской номенклатуры в процессах формирования органов публичной власти посредством избирательных процедур, а также в ходе законодательной и парламентской деятельности. Такая организация не только не отвечает критериям доминантной партии, но и не в полной мере соответствует понятию политической партии *per se*.

Ключевые слова: «партия власти», российская номенклатура, доминантная партия, «Единая Россия», Администрация Президента

¹ Reuter and Remington 2009; Порошин 2014; Стрельцов 2017.

² Коргунюк 2009: 51.

³ Хенкин 1997: 28.

⁴ Bueno de Mesquita at al. 2003: 51.

⁵ Нисневич 2007: 258.

⁶ Дюверже 2000.

Многие исследователи полагают, что в постсоветской России сложилась политическая система с доминантной партией¹ и в роли такой партии выступает «партия власти» в лице «Единой России» (ЕР). При формализованном теоретико-методологическом подходе данное положение выглядит достаточно обоснованным. Однако в контексте российской политической практики оно не столь очевидно. В частности, Юрий Коргунюк проводит различие между доминантной партией и «партией власти», отмечая, что, «если доминирующая партия не формирует правительство и не определяет политический курс страны, к ней более применимо определение „партия власти“»². Поэтому для прояснения вопроса о том, насколько правомерно считать российскую «партию власти» доминантной, требуется содержательный фактологический анализ.

Но прежде чем приступать к такому анализу, необходимо определиться с самими понятиями «партия власти» и «доминантная партия».

Следуя неоинституциональному подходу, Сергей Хенкин характеризует «партию власти» в широком смысле как «совокупность группирующихся вокруг главы государства институтов, структур и объединений, проводящих официальный курс, а также участвующих в определении целей и стратегий развития» страны (в том числе отдельных ее регионов)³. В рамках теории селектората Брюса Буэно де Месquita «партия власти» в широком смысле может быть с некоторыми оговорками отождествлена с выигрывающей коалицией, которая «определяется как подмножество селектората, чей размер таков, что позволяет наделять его руководство политической властью как над остальным селекторатом, так и над не имеющими голоса членами общества»⁴. Члены такой коалиции получают от правящего режима экономические, социальные и иные частные выгоды в обмен на его поддержку.

Для целей предлагаемого фактологического анализа предпочтительнее, однако, политико-социальная трактовка, в соответствии с которой «партию власти» в широком смысле следует рассматривать как «господствующий социальный слой, осуществляющий правящий режим»⁵. В случае России этим слоем является так называемая «номенклатура», представляющая собой конгломерат конкурирующих между собой политико-экономических группировок, совмещающих власть и бизнес. При таком подходе «партию власти» в узком смысле (в каком это понятие и будет использоваться далее) можно определить как политическую организацию партийного типа, которая создается для реализации интересов и целей номенклатуры в пространстве публичной политики, в первую очередь в процессах формирования органов публичной власти посредством избирательных процедур, а также в законодательной и в целом парламентской деятельности.

Феномен доминантной партии попал в поле зрения политической науки еще в середине прошлого века, с выходом в свет в 1951 г. классической работы Мориса Дюверже «Политические партии»⁶. Партии этого типа можно найти в политических системах с разным уровнем

⁷ Коргунок 2009.⁸ Стрельцов 2017.⁹ Bogaards 2004;
Порошин 2014.¹⁰ Reuter
and Remington
2009: 503.¹¹ Geddes 1999.¹² Стрельцов 2017:
107.¹³ Greene 2010: 809;
Порошин 2014: 242.¹⁴ Cheibub, Gandhi,
and Vreeland 2010.

конкуренции⁷, как авторитарных, так и демократических⁸. И если в первом случае доминирование соответствующей партии обеспечивается за счет подавления политической конкуренции, запугивания политических оппонентов и избирателей, манипулирования избирательным процессом, электоральной коррупции и фальсификаций⁹, то во втором оно осуществляется в рамках демократических политических и государственных порядков.

Но при всем многообразии доминантных партий им всем присущи некоторые общие черты, указывающие на их принадлежность к данной категории.

Важнейшим критерием, позволяющим квалифицировать партию как доминантную, выступает ее способность оказывать определяющее влияние на публичную власть и правящий режим, и прежде всего на назначения на политические должности. Так, Ора Джон Рейтер и Томас Ремингтон характеризуют доминирующую партию как силу, «играющую ведущую роль в предоставлении доступа к большинству политических должностей»¹⁰. При этом они ссылаются на Барбару Геддес, которая полагает, что партия занимает доминирующие позиции в политическом управлении, если она «контролирует основные каналы доступа к политической власти и правительственным должностям»¹¹. По мнению Дмитрия Стрельцова, ключевым показателем доминантности является контроль партии над исполнительной властью¹².

Общепризнанным и, если можно так выразиться, исходным критерием принадлежности партии к числу доминантных служит ее достаточно длительный, в течение 3—4 избирательных циклов, успех на общенациональных выборах. Однако в данном случае открытым остается вопрос: любыми ли методами и средствами достигнутое доминирование на электоральном поле обеспечивает реальное доминирование партии в пространстве политической и государственной власти, ее определяющее влияние на политический режим?

Еще один важный критерий доминантности — роль партии в принятии политических решений¹³. С институциональной точки зрения речь идет о том, входит ли руководство партии в малую выигрывающую коалицию или, в терминологии Хосе Антонио Чейбаба, Дженнифер Ганди и Джеймса Вриланда, образует ли оно то политическое «святое святых» (inner sanctum), где принимаются решения, задающие действия правящего режима¹⁴.

Значимым критерием доминирования политической партии является также ее роль в интеграции и консолидации правящих политико-экономических групп в целях предотвращения политических и иных внутриэлитных конфликтов и обеспечения устойчивости политического режима.

Фактологический анализ соответствия российской «партии власти» основным критериям доминантности целесообразно проводить в хронологическом порядке, начав с процесса ее зарождения, а затем последовательно рассмотрев событийную канву дальнейших этапов ее становления.

**Зарождение
российской
«партии власти»:
первый блин
комом**

¹⁵ См., напр. Хенкин 1997: 31; Голосов и Лихтенштейн 2001: 6; Становая 2005.

¹⁶ Рябов 2005: 69.

¹⁷ Коргунюк и Заславский 1996: 67.

¹⁸ Дорофеев, Соловьев и Башкирова 2010: 34.

¹⁹ Гарбузова 1994

Ряд исследователей полагает, что первым прототипом «партии власти» в РФ был избирательный блок «Выбор России», образованный в преддверии думских выборов 1993 г.¹⁵ Однако с этим едва ли можно согласиться. Во-первых, данный блок был организован на иных, нежели свойственно «партии власти», принципах. Он представлял собой объединение широкого спектра поддерживавших курс Егора Гайдара организаций, включая самое массовое на тот момент движение «Демократическая Россия», и вошедших в него на персональной основе политических и общественных деятелей, в том числе действующих и бывших членов правительства. Во-вторых, «Выбор России» имел выраженную идейно-политическую ориентацию. Как отмечает Андрей Рябов, этот блок, «несмотря на, казалось бы, политическую близость к президенту Борису Ельцину в тот период, был ярко выраженным идеологическим объединением, с которым прочно связывалась стратегия и практика радикальных рыночных реформ»¹⁶. Эту точку зрения разделяют также Коргунюк и Сергей Заславский, подчеркивающие, что «„чистой“ „партией власти“, чья идеология выражается формулой „власть ради власти“, блок Гайдара назвать нельзя — Выбор России, несомненно, являлся „идейной“ организацией, для которой власть является средством, а не целью»¹⁷.

В большей мере на прототип «партии власти» в Государственной Думе (ГД) первого созыва походила, на наш взгляд, Партия российского единства и согласия (ПРЕС), созданная заместителем председателя правительства Сергеем Шахраем с целью поддержки действующей власти и с опорой в первую очередь на федеральных и региональных чиновников.

Доподлинно не известно, кто был родоначальником идеи формирования политической структуры для представления интересов исполнительной власти в ГД второго созыва, выборы в которую должны были состояться в декабре 1995 г. Некоторые исследователи указывают на того же Шахрая. «Идею о создании крупных предвыборных блоков первым озвучил вице-премьер Шахрай. И продолжал озвучивать до середины марта 1995 года — до встречи думской фракции Партии российского единства и согласия... с премьер-министром Виктором Черномырдиным», — утверждают, в частности, авторы книги «Как Черномырдин спасал Россию»¹⁸. Идея, видимо, зрела давно — еще 5 февраля 1994 г. на встрече с представителями региональных организаций ПРЕС Шахрай говорил о своем намерении образовать на основе этой партии центристскую коалицию, которая станет надежной опорой правительства Черномырдина¹⁹.

В качестве предтечи «партии власти» можно рассматривать и правительственные депутатские фракции «Стабильность» и «Россия», сформированные в ГД первого созыва по инициативе помощников Ельцина Георгия Сатарова и Александра Лившица.

Иную версию излагает в своем интервью Центру Ельцина Марк Урнов, возглавлявший в 1994—1996 гг. Аналитическое управление Президента: «На самом деле... первый набросок партии просто у меня

в кабинете делался. Значит, пришел Рыжков, беглец из... „Выбора России“. И предложил это сделать. <...> Потом появилась идея сделать не только эту вот правоцентристскую, а тогда и левоцентристскую партию во главе с Иваном Рыбкиным. Но он не выдержал, потому что его тонкая душа... не могла позволить себе то... что ему предлагали делать: активно критиковать президента, для того чтобы просто продемонстрировать свою независимость. Нет, он не стал, и партия провалилась. <...> Центр-то пустует? Ну, вот, слава богу, появляется там Рыжков со своими идеями. Значит, как, кто будет лидером? Ну, хорошо, Черномырдин. Вполне годится. Но еще надо было его уламывать... Сатаров, по-моему, его активно и уламывал. <...> И проблема же не в том, что там, скажем, администрация инициирует эту партию, а в том, насколько эта партия потом более-менее самостоятельно живет и пользуется она административным ресурсом отвратительно, бесстыдно или нет»²⁰.

²⁰ *Интервью 2012.*

Так или иначе, не вызывает сомнений, что проект конструирования «сверху» двухпартийной системы был разработан именно в Администрации Президента (АП). Это подтверждает и выступление Ельцина на встрече с депутатами фракции «Стабильность» 25 апреля 1995 г., в котором он публично признался, что поручил создать к предстоящим думским выборам два политических блока — правоцентристский (эта задача была возложена на Черномырдина) и левоцентристский (им предстояло заняться председателю ГД Рыбкину). Как пояснил президент, такая двухпартийная система позволит «обрубить экстремистов с флангов» и сформировать в ГД «здоровый центр»²¹.

²¹ *Архангельская и др. 1995.*

Конструирование левоцентристского блока сразу не заладилось, что объяснялось прежде всего отсутствием сколько-нибудь влиятельных сил и структур, готовых войти в его состав. Желавшие «прислониться» к действующей власти в основном устремились в правоцентристский блок, который создавался «с такой степенью оперативности, какая возможна только при использовании всего комплекса информационных и материальных ресурсов, имеющихся в распоряжении органов власти»²². По оценке Владимира Прибыловского, возникшее в результате Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом — Россия» (НДР), по сути, представляло собой «политическую организацию административно-хозяйственной номенклатуры и чиновничества»²³.

²² *Коргунок и Заславский 1996: 144.*

²³ *Прибыловский б.г.*

Несмотря на все усилия АП и исполнительных структур федерального и регионального уровней, на парламентских выборах 1995 г. «партию власти» в лице НДР постигла неудача. По пропорциональной системе она получила только 10,13% голосов, уступив КПРФ (22,30%) и ЛДПР (11,18%), а по числу одномандатников (10) оказалась даже на четвертом месте (КПРФ — 58 мандатов, Аграрная партия России — 20, «Яблоко» — 14).

После отставки правительства Черномырдина в марте 1998 г. политическое влияние НДР полностью сошло на нет. На выборах 1999 г. движение не смогло преодолеть электоральный барьер и лишилось представительства в ГД, а в 2006 г. окончательно прекратило свое существование.

Фактологический анализ процесса зарождения российской «партии власти» показывает, что она конструировалась «сверху» по проекту, разработанному в АП, с использованием административных ресурсов президентской и исполнительной власти. Иначе говоря, по своему происхождению она качественно отличается от всех типов политических партий, механизмы генезиса которых описаны Дюверже. Тем не менее то его замечание, что «все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства»²⁴, в полной мере относится и к ней, хотя в категориальном плане такую организацию проблематично рассматривать как подлинную политическую партию.

²⁴ Дюверже 2000: 21.

Стоит отметить, что появление феномена «партии власти» в российской политической практике было обусловлено следующим обстоятельством: в ходе думской кампании 1993 г. Ельцин и его команда заняли позицию «над схваткой» и дистанцировались от всех участников избирательного процесса, включая своих сторонников²⁵. Это сыграло существенную роль в торможении и деформации стратегически важного процесса формирования в стране многопартийной системы. Стремясь обезопасить институт президентства от пока еще недостаточно эффективной, хаотичной, но уже вполне реальной политической конкуренции, команда президента начала маркировать и использовать этот институт в качестве непосредственного и самодостаточного актора российской политики, институциональной основы и форпоста складывавшегося политического режима. При этом, естественно, и политическое «святое святых», где принимаются ключевые решения, окончательно переместилось в сердцевину данного института, в ближайшее окружение президента и АП.

²⁵ Нисневич 2007: 92.

Будучи лишен прямой опоры на реальные политические и общественные силы, этот актер неизбежно стал задействовать собственный административный ресурс и различные ресурсы публичной власти для обеспечения своей самодостаточности в достижении политических целей. Но для прямого представительства и защиты его интересов в ходе законодательной и в целом парламентской деятельности требовался инструмент партийного типа, конструированием которого и занялась АП.

Как ни парадоксально, но творцами феномена «партии власти» выступили сторонники демократии из окружения Ельцина, мечтавшие сконструировать «сверху» партийную систему, способную обеспечить не только устойчивое, но и ускоренное продвижение постсоветской России по пути реформ. Как впоследствии отмечал один из авторов этого проекта Сатаров, «мы думали, что совершаем колоссальное благо для страны, для российской демократии. Было абсолютно искреннее ощущение благого дела и победы. Создание фракций, развал фракций, использование административного ресурса — все это зарождалось у нас в администрации»²⁶.

²⁶ Из выступления Сатарова на заседании семинара «Полития» 23 декабря 2004 г. (Преемственность 2004).

Хотя первый опыт использования «партии власти» в избирательном процессе оказался неудачным, «ящик Пандоры» был открыт.

И этим в дальнейшем воспользовались носители иных, не демократических взглядов для решения собственных задач.

«Единая Россия»: через тернии к звездам

Следующим этапом в формировании российской «партии власти» стали состоявшиеся в 1999 г. выборы в ГД третьего созыва. Эти выборы предшествовали президентским выборам 2000 г., на которых должна была произойти смена главы государства, что и определило их лейтмотив.

В преддверии смены президента в российской номенклатуре, овладевшей основными рычагами управления страной и превратившейся в правящий социальный слой, произошел раскол между федеральной и региональными группировками. Эти группировки вступили в достаточно жесткую конкуренцию за продвижение своего кандидата на должность президента России, в ходе которой каждая из них стремилась занять политически более выгодную позицию, получив представительство, а еще лучше большинство в ГД.

Первой к активным действиям по созданию собственной «партии власти» в качестве инструмента электоральной борьбы приступила региональная номенклатура. В декабре 1998 г. по инициативе мэра Москвы Юрия Лужкова была создана Общероссийская политическая общественная организация «Отечество». В апреле 1999 г. был учрежден Общественно-политический блок «Голос России» во главе с губернатором Самарской области Константином Титовым, а в мае того же года — блок (преобразованный в августе в Межрегиональное общественно-политическое движение) «Вся Россия», в число основателей которого входили президенты Татарстана, Башкортостана и Ингушетии. В конце августа 1999 г. ОПОО «Отечество» и движение «Вся Россия» объединились в избирательный блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР), который возглавили экс-председатель российского правительства Евгений Примаков, мэр Москвы Лужков и губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. Что касается «Голоса России», то он вошел в состав избирательного блока «Союз правых сил» (СПС)²⁷.

Реакция федеральной номенклатуры на действия регионалов последовала только в конце сентября — начале октября 1999 г., и фактически за две недели при активном участии АП был сформирован избирательный блок «Единство», федеральный список которого открывали министр МЧС Сергей Шойгу, двукратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе Александр Карелин и известный в советские времена борец с организованной преступностью Александр Гуров.

В ходе избирательной кампании блок «Единство», который подерживала АП, опирался на административные ресурсы федеральной власти и финансовые и информационные ресурсы ряда российских «олигархов», в частности Бориса Березовского. В свою очередь, ОВР опирался на региональные административные ресурсы и финансовые и информационные ресурсы региональных политико-экономических групп. При этом между двумя отрядами «партии власти» развернулась

²⁷ Здесь и далее в качестве основных источников информации об участии «партии власти» в выборах и ее деятельности в ГД используются: Коргунок 2007; Кынев и Любарев 2011.

информационная война. На стороне «Единства» выступали два главных общероссийских телеканала — государственный канал РТР и канал ОРТ, фактически принадлежавший Березовскому; на стороне ОВР — контролируемый правительством Москвы канал «ТВ-Центр», имевший статус общероссийского, а также канал НТВ Владимира Гусинского.

Несмотря на то что на выборах 1999 г. «партия власти» была представлена двумя противоборствовавшими отрядами, она добилась заметного успеха. В сумме по пропорциональной системе она набрала 36,65% голосов (Единство — 23,32%, ОВР — 13,33%) и получила 141 депутатский мандат (73 — Единство, 68 — ОВР), отодвинув КПрФ (24,29% голосов по пропорциональной системе, 113 мандатов) на второе место.

Противоборство между «Единством» и ОВР продолжилось и в Думе. Фракция «Единства» и ее сателлит — депутатская группа «Народный депутат» заключили альянс с фракцией КПрФ и ее сателлитом — Агропромышленной депутатской группой, договорившись о распределении выборных должностей в ГД. Примкнула к альянсу и фракция ЛДПР. В результате фракция ОВР оказалась фактически отстранена от участия в распределении таких должностей, и, помимо положенного каждой фракции по закону поста вице-спикера, ей достался лишь пост председателя одного из комитетов.

Избрание в марте 2000 г. президентом России Владимира Путина, провозгласившего своей первоочередной задачей укрепление государства посредством построения «вертикали власти», знаменовало собой начало третьего этапа в формировании российской «партии власти». Чтобы решить эту задачу, необходимо было «вертикализировать» не только исполнительную, но и другие ветви государственной власти, и прежде всего власть законодательную. Для этого требовалось сконструировать единую, консолидированную и надежно управляемую АП «партию власти» и обеспечить ей доминирование на электоральном поле. «Генеральным конструктором» такой партии стал заместитель руководителя АП Владимир Сурков, ранее принимавший участие в создании блока «Единство».

Построение «партии власти» нового типа началось с преодоления противостояния между федеральным и региональным ее отрядами как внутри, так и за пределами Думы. В апреле 2001 г. в ГД была создана коалиция центристских сил, в которую вошли фракции «Единства» и ОВР, а также депутатские группы «Народный депутат» и «Регионы России». Получив абсолютное большинство в Думе (234 мандата), эта коалиция стала определяющим образом влиять на ее деятельность. В июле того же года была создана Общероссийская общественная организация «Союз „Единства“ и „Отечества“», в декабре преобразованная в партию «„Единство“ и „Отечество“ — „Единая Россия“» (сокращенно — «Единая Россия», ЕР).

Созданию ЕР во многом благоприятствовало вступление в силу в июле 2001 г. закона, согласно которому единственным видом избирательного объединения, допущенного до участия в выборах, осталась

лишь общероссийская партия с централизованной иерархической структурой и достаточно широким региональным представительством.

Необходимо отметить, что в отличие от доминантной партии, призванной служить механизмом «согласования интересов между различными группами властной элиты»²⁸, в данном случае имела место обратная ситуация. Правящей российской номенклатуре, представляющей собой конгломерат конкурирующих между собой за власть и ресурсы политико-экономических группировок, для выражения ее общих интересов в законодательной сфере потребовалась единая и консолидированная политическая организация партийного типа.

Электоральный дебют ЕР состоялся в декабре 2003 г. и был вполне успешным. На выборах в ГД четвертого созыва она получила 223 мандата, оставив далеко позади занявшую второе место КПрФ (52 мандата). Но число контролируемых ею мест не дотягивало даже до простого большинства (226 мест), и тогда АП, использовав свой административный ресурс, пошла на «захват» нижней палаты российского парламента. Давление, оказанное АП на депутатов, избранных по одномандатным округам, принесло свои плоды, и к первому заседанию ГД численность фракции ЕР выросла до 300 депутатов. По сути, речь шла об осуществленной АП «деформации политического представительства», в результате которого, имея поддержку «всего 20,9% от общего числа российских избирателей», ЕР «получила контроль над более чем двумя третями (66,7%) депутатского корпуса»²⁹. Одновременно в регламенте ГД минимальная численность депутатских групп была повышена с 35 до 55 депутатов, что практически исключило возможность создания таковых, de facto сделав партийную фракцию единственной формой депутатского объединения.

Таким образом, по итогам думской кампании 2003 г. выстроенная по проекту АП новая «партия власти» в лице ЕР заняла доминирующее положение в российском партийно-политическом пространстве, а ее партийная фракция — в депутатском корпусе нижней палаты парламента. При этом, как отмечает Рябов, после выборов 2003 г. «политическая мысль сосредоточилась главным образом на констатации того факта, что эта конструкция лишена какой-либо самостоятельности, полностью управляема из президентских структур и потому претендовать на роль партии в подлинном, политологическом смысле не может»³⁰.

**Доминантность
«Единой России»: результаты
политического
конструирования**

Получив конституционное большинство, фракция ЕР кардинальным образом изменила организационную структуру нижней палаты российского парламента.

Председателем ГД четвертого созыва стал Борис Грызлов, возглавлявший одновременно фракцию и Высший совет ЕР. Единороссами были и оба его первых заместителя, а также пять (из восьми) вице-спикеров. Кроме того, членам фракции ЕР достались посты председателей всех 29 думских комитетов, а в 23 комитетах — и первых заместителей

председателя. Тем самым в ГД были нарушены такие ключевые принципы парламентаризма, как защита прав парламентского меньшинства при распределении административных постов и не политический, а организационно-распорядительный характер должности спикера парламента или его палаты³¹.

³¹ Нисневич 2007: 163.

Был качественно изменен и Совет ГД, в состав которого вместо руководителей фракций стали входить председатель ГД и все его заместители, а право совещательного голоса было сохранено только за руководителями комитетов и комиссий. Произошло полное совмещение выборной администрации и Совета ГД, политические и контрольные функции которого были фактически аннулированы.

В итоге была выстроена жесткая, централизованная и строго иерархически организованная система руководства ГД, на всех уровнях подчиненная ЕР. При этом ГД приобрела черты, характерные для законодательных органов при авторитарных режимах с одной правящей партией, а основным принципом ее деятельности стал сформулированный Грызловым принцип «Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии»³².

³² Более известная формулировка: «Парламент — не место для дискуссий» — была придумана и написана Грызлову журналистами.

С непринципиальными коррективами такая организационная структура сохраняется в ГД по сей день. Доминирование ЕР в нижней палате Федерального Собрания обеспечивает АП возможность посредством этой партии управлять законодательным процессом и парламентской деятельностью *per se*.

На протяжении четырех созывов (с IV по VII) в ГД были представлены четыре фракции. Структура ГД четвертого созыва включала фракции ЕР, КПрФ и ЛДПР, а также блока «Родина».

Блок «Родина (Народно-патриотический союз)», созданный в августе 2003 г., был очередным проектом АП, нацеленным на канализацию активно распространявшихся в российском обществе (не без помощи официальной пропаганды) великодержавных и национал-патриотических настроений и отвлечение соответствующей части электората от КПрФ и ЛДПР. Формальными учредителями блока выступили Партия российских регионов, Партия национального возрождения «Народная воля» и Социалистическая единая партия России (СЕПР), а его коллективными членами стали 28 партий и общественных организаций.

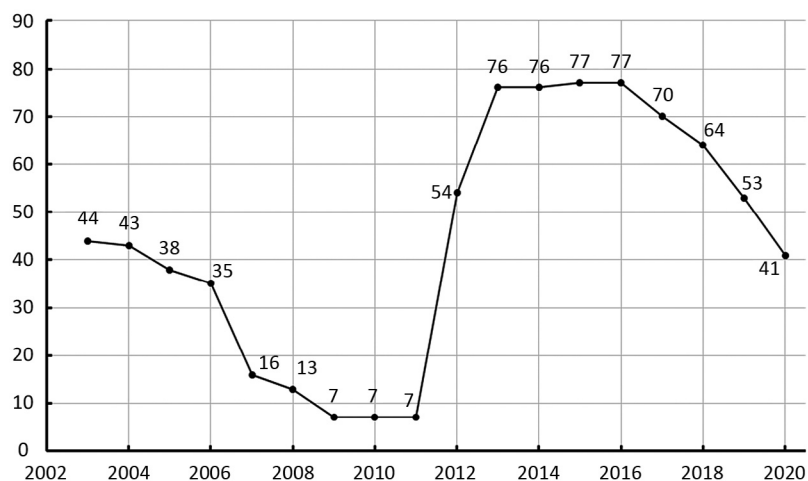
На начальном этапе этот проект АП выглядел вполне успешным, и, набрав на выборах 2003 г. 9,02% голосов, «Родина» провела в ГД 37 депутатов. Однако уже в 2004 г. между руководителями блокообразующих партий начался конфликт, следствием которого стал раскол блока. В результате в июле 2005 г., наряду с фракцией «Родина», в ГД появилась фракция «Народно-патриотический союз „Родина“ (Народная Воля — СЕПР)». На этом история национал-патриотического проекта *de facto* закончилась, и по истечении срока полномочий ГД четвертого созыва он был закрыт.

³³ Нисневич 2014: 70.

Следующим партийным проектом АП стала «Справедливая Россия» (СР), образованная в октябре–ноябре 2006 г. путем слияния Российской партии жизни, Российской партии пенсионеров и партии «Родина» с последующим поглощением Народной партии и СЕПР. Эта партия, которую возглавил председатель Совета Федерации Сергей Миронов, была призвана, с одной стороны, выступить спарринг-партнером ЕР, обеспечив сохранение доминирующего положения «партии власти» в ГД при предстоявшем в 2007 г. переходе на чисто пропорциональную избирательную систему, а с другой — оттянуть голоса у КПрФ³³. Будучи своеобразной реинкарнацией левоцентристского Блока Ивана Рыбкина в проекте двухпартийной системы, разработанном в АП перед парламентскими выборами 1995 г., СР оказалась успешнее своего предшественника. Пройдя (по мнению многих экспертов, только благодаря административной поддержке) в ГД пятого созыва, она заменила в ее структуре фракцию «Родина» и с тех пор присутствует во всех созывах нижней палаты Федерального Собрания РФ.

Начиная с 2007 г. в ГД стабильно представлены четыре партии — ЕР, КПрФ, ЛДПР и СР, которые можно рассматривать как парламентское ядро сформировавшейся в постсоветской России партийной системы. Общее число политических партий в стране меняется в зависимости от ужесточения или ослабления требований, предъявляемых законом к количественным параметрам организационной структуры общероссийской политической партии. Динамика числа зарегистрированных Минюстом политических партий представлена на *рис. 1*.

Рисунок 1 Динамика числа зарегистрированных политических партий

Главенствующее положение в российской партийной системе занимает ЕР, которая с 2003 г. доминирует на электоральном поле. Однако такое доминирование достигается не столько за счет электоральной привлекательности, сколько посредством хорошо отлаженных механизмов электоральной коррупции. При этом ЕР не оказывает какого-либо значимого влияния на назначения на политические и административные посты и никак не влияет на решения, принимаемые правящим режимом. Более того, ключевые решения, определяющие деятельность самой ЕР, принимаются не руководством партии, а в АП и исполняются партией без каких-либо публичных обсуждений и дискуссий. Следует отметить, что в последнее время электоральный рейтинг ЕР заметно упал, и, возможно, потребуется ребрендинг «партии власти».

В качестве основной оппозиционной силы выступает КПРФ, идеологические установки которой заметно отличаются от классических коммунистических и социалистических. При этом пределы ее оппозиционности устанавливаются руководством партии исходя из прагматических соображений, и прежде всего стремления сохранить представительство в ГД (хотя бы на том уровне, который допускает правящий режим), а также финансирование из федерального бюджета, которое в настоящее время составляет порядка миллиарда рублей в год. Особого упоминания заслуживает «геронтологическое окостенение» высшего руководства КПРФ, которой с 1993 г. бессменно руководит Геннадий Зюганов.

ЛДПР является суперлидерской партией, а точнее, партией одного человека — Владимира Жириновского. Несмотря на специфическую риторику и спорадические выпады последнего в адрес ЕР, по факту эта партия всегда поддерживает правящий режим, а тот, в свою очередь, использует публичные выступления ее лидера для зондирования общественного мнения относительно проектируемых им решений и действий. С высокой степенью вероятности, когда Жириновский по тем или иным причинам отойдет от дел, уйдет в небытие и ЛДПР.

СР представляет собой своеобразное ответвление «партии власти», которому дозволяются популистские критические высказывания по некоторым, прежде всего социальным, вопросам. Деятельность этой партии обеспечивается главным образом за счет использования административных ресурсов власти, и она будет существовать до тех пор, пока будет нужна АП в ее политических комбинациях.

Важно подчеркнуть, что российская партийная система отличается рядом специфических особенностей, делающих рассмотрение ее в рамках традиционных партологических теорий не вполне адекватным.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что российская «партия власти» в лице ЕР не отвечает основным критериям, позволяющим квалифицировать партию как доминантную.

Российская «партия власти» не оказывает значимого влияния на назначения на политические и административные должности и никак

не влияет на решения, определяющие политику государства. В частности, она крайне редко используется для выдвижения кандидата в президенты от действующей власти, а если, как это было в 2007 и 2011 гг., ей доверят официально выдвинуть такого кандидата, его избирательный штаб формируется на базе АП³⁴.

³⁴ Нисневич 2014: 114.

Доминирование «партии власти» на электоральном поле обеспечивается за счет электоральной коррупции, а ее «избирательной машиной» служит система органов публичной власти всех уровней, от федерального до местного.

ЕР служит инструментом реализации интересов и целей правящей российской номенклатуры в процессах формирования органов публичной власти посредством избирательных процедур, а также в ходе законодательной и в целом парламентской деятельности. Такая управляемая извне организация партийного типа не соответствует в полной мере понятию политической партии по Дюверже.

Библиография

Архангельская Н., Г.Бовт, Н.Калашникова и Н.Осипова. (1995) «Россия перед выбором» // *Коммерсантъ*, 15.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/123725> (проверено 12.10.2021).

Гарбузова О. (1994) «Пресс-конференция Сергея Шахрая: Министр объявил о создании проправительственной коалиции» // *Коммерсантъ*, 08.02. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/70688> (проверено 12.10.2021).

Голосов Г.В. и А.В.Лихтенштейн. (2001) «„Партии власти“ и российский институциональный дизайн: теоретический анализ» // *Политические исследования*, № 1: 6–14.

Дорофеев В., А.Соловьев и В.Башкирова. (2010) *Как Чернобырдин спасал Россию*. М.: Коммерсантъ; Эксмо.

Дюверже М. (2000) *Политические партии*. М.: Академический проект.

«Интервью с Марком Урновым». (2012) // *Ельцин Центр*, 4.05. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/decryption/intervyu-s-markom-urnovym> (проверено 22.02.2021).

Коргунюк Ю.Г. (2007) *Становление партийной системы в современной России*. М.: Фонд ИНДЕМ; Московский городской педагогический университет.

Коргунюк Ю.Г. (2009) «Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции» // Мелешкина Е.Ю. и Г.М.Михалева, ред. *Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства*. М.: ИНИОН РАН: 44–71.

Коргунюк Ю.Г. и С.Е.Заславский. (1996) *Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие*. М.: ИНДЕМ.

Кынев А.В. и А.Е.Любарев. (2011) *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение.

Нисневич Ю.А. (2007) *Аудит политической системы посткоммунистической России*. М.: Материк.

Нисневич Ю.А. (2014) *Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003—2012 годах*. М.: Фонд «Либеральная миссия». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ah8uh023fi/direct/127801417> (проверено 22.02.2021).

Порошин А.В. (2014) «Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств» // *Политическая наука*, № 3: 232—248.

«Преемственность российских политических режимов. От Ельцина к Путину и... далее?» (2004) // *Полития*, 23.12. URL: <http://politeia.ru/content/seminar/preemstvennost-rossijskih-politicheskikh-rezhimov-ot-elcina-k-putinu-i-dalee/> (проверено 22.02.2021).

Прибыловский В. *Наш дом — Россия (НДР)*. URL: <http://www.panorama.ru/works/vyboru/party/ndr.html> (проверено 22.02.2021).

Рябов А. (2005) «Пока не началось» // *Апология*, № 8: 66—86.

Становая Т. (2005) «Что такое „партия власти“ в России?» // *РИА «Новости»*, 08.06. URL: <https://ria.ru/20050608/40488891.html> (проверено 14.10.2021).

Стрельцов Д.В. (2017) «Системы доминантных партий: некоторые подходы к методологии исследования» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 105—118. URL: <http://xn---htbkckbuhqicfs.xn--plai/articles/1152> (проверено 22.02.2021).

Хенкин С.М. (1997) «„Партия власти“: штрихи к портрету» // *Полития*, № 1: 28—35. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-1\(3\)-28-35.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-1(3)-28-35.pdf) (проверено 22.02.2021).

Bogaards M. (2004) «Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa» // *European Journal of Political Research*, vol. 43, no. 2: 173—197.

Bueno de Mesquita B., A.Smith, R.Siverson, and J.D.Morrow. (2003) *The Logic of Political Survival*. Cambridge (MA): MIT Press.

Cheibub J., J.Gandhi, and J.Vreeland. (2010) «Democracy and Dictatorship Revisited Codebook» // *Public Choice*, vol. 143, no. 1—2: 67—101.

Geddes B. (1999) *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument*. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta.

Greene K.F. (2010) «The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance» // *Comparative Political Studies*, vol. 43, no. 7: 807—834.

Reuter O.J. and T.F.Remington. (2009) «Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 42, no. 4: 501—526.

Политика

Yu.A.Nisnevich

RUSSIAN “PARTY OF POWER” VS DOMINANT PARTY

Yuliy A. Nisnevich — Doctor of Political Science; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.
E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Abstract. The article presents a factual analysis of the origin and formation of the “party of power” in Russia. The work demonstrates that at all stages the Russian “party of power” was designed and controlled by the Administration of the President of the Russian Federation.

The research carried out by the author shows that Russia’s “party of power” does not meet the criteria that would allow to qualify this political party as dominant, in any of its “incarnations”. This fully applies to the United Russia party that does not exert a significant impact on the appointments to the political and administrative positions and does not have any effect on the decisions that determine the state’s policy. The dominance of the United Russia party in the electoral field is ensured primarily by the electoral corruption, as well as by the fact that its “electoral machine” is represented by the system of public authorities at all levels, from federal to local. In turn, the dominance of this party in the State Duma and the rigid and strictly hierarchical administrative structure that it built in the lower chamber of the Russian Parliament allows the Presidential Administration to control the legislative process and parliamentary activity in general.

According to the author’s conclusion, the “party of power” is an externally controlled political organization of a party type that protects the interests of Russia’s ruling nomenklatura and implements its goals in the processes of the formation of public authorities through electoral procedures, as well as in the course of the legislative and parliamentary activity. Not only does such an organization fail to meet the criteria of the dominant party, but it also fails to fully correspond to the concept of a political party per se.

Keywords: “party of power”, Russia’s nomenclature, dominant party, United Russia party, Administration of the President of the Russian Federation

References

- Arkhangelskaya N., G.Bovt, N.Kalashnikova, and N.Osipova. (1995) “Rossija pered vyborom” [Russia Faces a Choice] // *Kommersant*, 08.02. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/123725> (accessed on 12.10.2021). (In Russ.)
- Bogaards M. (2004) “Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa” // *European Journal of Political Research*, vol. 43, no. 2: 173–197.

Bueno de Mesquita B., A.Smith, R.Siverson, and J.D.Morrow. (2003) *The Logic of Political Survival*. Cambridge (MA): MIT Press.

Cheibub J., J.Gandhi, and J.Vreeland. (2010) “Democracy and Dictatorship Revisited Codebook” // *Public Choice*, vol. 143, no. 1–2: 67–101.

Dorofeev V., A.Soloviev, and V.Bashkirova. (2010) *Kak Chernomyrdin spasal Rossiju* [How Chernomyrdin Saved Russia]. Moscow: Kommersant; Eksmo. (In Russ.)

Duverger M. (2000) *Politicheskie partii* [Les parties politiques]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

Garbuzova O. (1994) “Press-konferentsija Sergeja Shakhraja: Ministr ob’javil o sozdanii propravitel’svennoj koalitsii” [Sergey Shakhray’s Press Conference: The Minister Announced the Creation of a Pro-government Coalition] // *Kommersant*, 08.02. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/70688> (accessed on 12.10.2021). (In Russ.)

Geddes B. (1999) *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument*. Paper presented at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta.

Golosov G.V. and A.V.Liechtenstein. (2001) “„Partii vlasti“ i rossijskij institutsional’nyj dizajn: teoreticheskij analiz” [The “Power Parties” and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 6–14. (In Russ.)

Greene K.F. (2010) “The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance” // *Comparative Political Studies*, vol. 43, no. 7: 807–834.

“Intervju s Markom Urnovym” [Interview with Mark Urnov]. (2012) // *Yeltsin Center*, 4.05. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/decryption/intervyu-s-markom-urnovym> (accessed on 22.02.2021). (In Russ.)

Khenkin S.M. (1997) “„Partija vlasti“: shtrikhi k portretu” [“Party of Power”: Strokes to the Portrait] // *Politeia*, no. 1: 28–35. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-1\(3\)-28-35.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-1(3)-28-35.pdf) (accessed on 22.02.2021). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2007) *Stanovlenie partijnoj sistemy v sovremennoj Rossii* [Formation of the Party System in Modern Russia]. Moscow: Fond INDEM; Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2009) “Sistema s dominirujushchej partiej i rezhim politicheskoy konkurentsii” [The Dominant Party System and the Regime of Political Competition] // Meleshkina E.Yu. and G.M.Mikhaleva, eds. *Politicheskaja konkurentsija i partii v gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva* [Political Competition and Parties in the Post-Soviet States]. Moscow: INION RAN: 44–71. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. and S.E.Zaslavsky. (1996) *Rossijskaja mnogopartijnost’: stanovlenie, funkcionirovanie, razvitie* [Russian Multiparty System: Formation, Functioning, Development]. Moscow: INDEM. (In Russ.)

Kynev A.V. and A.E.Lyubarev. (2011) *Partii i vybory v sovremennoj Rossii: evoljutsija i devoljutsija* [Parties and Elections in Modern Russia: Evolution and Devolution]. Moscow: Fond “Liberal’naja missija”; Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. (2007) *Audit politicheskoy sistemy postkommunisticheskoy Rossii* [Audit of the Political System of Post-Communist Russia]. Moscow: Materik. (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. (2014) *Elektoral'naya korruptsiya v Rossii: politiko-pravovoy analiz, federal'nykh izbiratel'nykh kampanij v 2003—2012 godakh* [Electoral Corruption in Russia: Political and Legal Analysis of Federal Election Campaigns in 2003—2012]. Moscow: Fond “Liberal'naja missija”. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ah8uh023fi/direct/127801417> (accessed on 22.02.2021). (In Russ.)

Poroshin A.V. (2014) “Rezhim s dominantnoj partiej kak perspektiva politicheskoy transformatsii postkommunisticheskikh gosudarstv” [Regime with a Dominant Party as a Prospect of Political Transformation of Post-Communist States] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 232—248. (In Russ.)

“Preemstvennost' rossijskikh politicheskikh rezhimov. Ot El'tsina k Putinu i... dalee?” [Continuity of Russian Political Regimes. From Yeltsin to Putin and... Then?]. (2004) // *Politeia*, 23.12. URL: <http://politeia.ru/content/seminar/preemstvennost-rossijskih-politicheskikh-rezhimov-ot-elcina-k-putinu-i-dalee/> (accessed on 22.02.2021). (In Russ.)

Pribylovsky V. *Nash dom — Rossija (NDR)* [Our Home Is Russia (NDR)]. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/ndr.html> (assessed on 22.02.2021). (In Russ.)

Reuter O.J. and T.F.Remington. (2009) “Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 42, no. 4: 501—526.

Ryabov A. (2005) “Poka ne nachalos” [Before It Starts] // *Apologija* [Apology], no. 8: 66—86. (In Russ.)

Stanovaya T. (2005) “Chto takoe „partija vlasti“ v Rossii” [What Is the “Party of Power” in Russia?] // *RIA Novosti*, 08.06. URL: <https://ria.ru/20050608/40488891.html> (assessed on 14.10.2021). (In Russ.)

Streltsov D.V. (2017) “Sistemy dominantnykh partij: nekotorye podkhody k metodologii issledovanija” [Dominant Party Systems: Some Approaches to the Methodology of the Study] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 105—118. URL: <http://xn----htbkckbuhqicfs.xn--plai/articles/1152> (assessed on 22.02.2021). (In Russ.)